

Швец Сергей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики
Кубанского государственного аграрного
университета

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕВОДА

Аннотация:

В статье рассматривается тезис о том, что информация о преступном деянии, чтобы получить статус доказательства, должна быть преобразована по определенным алгоритмам в вид, доступный для ее восприятия участниками уголовного судопроизводства. Автор приходит к выводу о необходимости в условиях судебного перевода разработки системы тактических рекомендаций по осуществлению следственных действий, направленных на минимизацию потерь доказательственной информации.

Ключевые слова:

информация, преобразование информации, доказательство, расследование преступлений, уголовный процесс, судебный перевод, переводчик.

Shvets Sergey Vladimirovich

PhD in Law,
Assistant Professor,
Criminalistics Department,
Kuban State Agrarian University

INFORMATIONAL FEATURES OF CRIMINAL ACTIVITIES UNDER THE CONDITIONS OF FORENSIC INTERPRETATION

Summary:

The article deals with the conception of forensic interpretation. In order that some information about criminal act could acquire a status of evidence, it has to be transformed according to certain rules into the specific form that can be understandable for the participants of the criminal legal procedure. The author comes to the conclusion that it is necessary to develop a system of tactical guidelines for execution of investigation under the conditions of forensic interpretation, which would focus on the minimization of the evidentiary information loss.

Keywords:

information, transformation of information, evidence, crime investigation, criminal legal procedure, forensic interpretation, interpreter.

Понятие «криминалистическая деятельность» является в криминалистической науке достаточно неоднозначным. Одни ученые-криминалисты отрицают наличие такого явления, как криминалистическая деятельность, другие, напротив, разрабатывают ее теоретические основы.

К числу первых относится профессор Р.С. Белкин, который писал: «Нет и не может быть никакой «криминалистической деятельности» в процессе расследования, помимо деятельности уголовно-процессуальной, оперативно-разыскной или административно-правовой...» [1, с. 236–237].

Противоположной позиции придерживается профессор В.Я. Колдин, который отмечал: «Между тем система криминалистической деятельности как особая область профессиональной деятельности государственных органов, имеющая специфические задачи, в работах Р.С. Белкина не определена... Мы не находим самого понятия криминалистической деятельности, которая растворяется в деятельности по борьбе с преступностью, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений... Со всей определенностью утверждаем, что без выделения криминалистической деятельности как объекта криминалистики и анализа ее структуры, внутрисистемных связей и закономерностей, т. е. без праксеологического анализа криминалистической деятельности, вообще нет возможности выработать какие-либо оптимизирующие эту деятельность методы и средства» [2, с. 14–15].

Понятие криминалистической деятельности мы также находим в трудах профессора Н.П. Яблокова, который в объекте науки криминалистики выделяет преступную деятельность и криминалистическую деятельность. Криминалистическую деятельность Н.П. Яблоков определяет как деятельность по расследованию и раскрытию преступлений, антагонистичную по отношению к преступной деятельности и порожденную ею, осуществляемую криминалистическими приемами средствами и методами [3, с. 46].

Для целей нашего исследования возьмем за основу определение криминалистической деятельности, предложенное Н.П. Яблоковым.

Традиционно деятельность по расследованию и раскрытию преступлений рассматривается в своем специфическом аспекте: как работа «с информацией о преступлении и его участниках – придании ей статуса судебных доказательств, собирание этих доказательств, их исследование, оценка и использование в целях доказывания истины» [4, с. 37]. Говоря иными словами, информация о преступном деянии в рамках криминалистической деятельности должна пройти следующие стадии:

1 – стадия выявления информации, потенциально имеющей криминалистическое значение;

2 – стадия процессуального оформления выявленной информации, ее перевод в статус вещественных доказательств;

3 – анализ и использование вещественных доказательств для изобличения преступника и принятия решения по уголовному делу.

К сожалению, единого определения информации как научного термина в настоящее время не существует. Правовое определение информации дано в Федеральном законе Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В статье 2 названного закона говорится: «Информация – сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления».

Поскольку криминалистически значимая информация может иметь различную природу, различную форму представления и содержаться на различных носителях, то для целей ее использования в криминалистической деятельности такая информация должна быть преобразована в вид, доступный для ее восприятия участниками уголовного судопроизводства: информация должна быть выражена языковыми средствами, причем средствами языка судопроизводства, после чего она должна быть зафиксирована в письменном виде.

Сразу возникает закономерный вопрос: кто производит подобное декодирование криминалистически значимой информации? Поскольку субъектом криминалистической деятельности является следователь, то логично предположить, что именно он и производит декодирование информации. Однако, это не совсем так.

Мы можем выделить 4 ситуации:

1. Информацию декодирует следователь. Например, при осмотре места происшествия следователь лично воспринимает информационную картину имевшего места события, которую и отражает в протоколе.

2. Информация декодируется профессиональными помощниками следователя (оперативными работниками, специалистами, экспертами). Например, информация о причинах наступления смерти декодируется судебно-медицинским экспертом и предоставляется следователю уже в готовом виде.

3. Информацию в перекодированном виде предоставляют следователю участники и очевидцы преступного деяния. В данном случае следователь имеет дело с опосредованной информацией, которая в силу различных причин никогда не будет абсолютно точно соответствовать информационной картине произошедшего события.

4. В случае если участники и очевидцы преступного деяния не владеют языком судопроизводства, предоставляемая ими информация будет подвергнута вторичному перекодированию в результате привлечения к участию в следственных действиях переводчика.

При внимательном рассмотрении приведенных ситуаций можно заметить, что 1, 2 и 3-я ситуации были предметом рассмотрения криминалистов: особенности перекодирования информации в 1-й ситуации рассматриваются в рамках криминалистической техники, особенности перекодирования информации во 2-й ситуации – в рамках теории оперативно-разыскной деятельности и судебной экспертизы, особенности перекодирования информации в 3-й ситуации – в рамках юридической психологии.

Однако особенности перекодирования информации в 4-й ситуации, которую мы предлагаем назвать ситуацией опосредованной коммуникации, до настоящего времени в юридической науке не получили должного освещения. Несмотря на то что имеется достаточно большое количество работ, посвященных процессуальному статусу переводчика, информационные особенности следственных действий с участием переводчика в них не рассматриваются.

Рассмотрим информационное взаимодействие следователя, свидетеля и переводчика на примере такого следственного действия, как допрос. На первый взгляд может показаться, что в производстве допроса с участием переводчика информация преобразуется дважды: первый раз – когда переводчик перекодирует сообщение следователя допрашиваемому, второй раз – когда переводчик перекодирует сообщение допрашиваемого для следователя.

На самом деле все гораздо сложнее. Как указывает Е.В. Бреус, переводческий процесс является многоаспектным явлением, при котором сопоставляются не только языковые формы, но также и языковое видение мира и ситуации общения наряду с широким кругом внеязыковых факторов, определяемых общим понятием культуры [5, с. 5].

Применительно к ситуации допроса информация преобразуется следующим образом:

1. Порождение информационного сообщения следователем и его восприятие переводчиком.

2. Порождение сообщения переводчиком и его восприятие допрашиваемым лицом.

3. Порождение информационного сообщения допрашиваемым лицом и его восприятие переводчиком.

4. Порождение сообщения переводчиком и его восприятие следователем.

Участие переводчика, призванное обеспечить коммуникацию следователя с допрашиваемым лицом, переводит информационное взаимодействие следователя с допрашиваемым на иной уровень, качественно отличающийся от традиционного допроса, когда его участники общаются на одном языке.

Действительно, управляющая информация, порождаемая следователем, поступает к допрашиваемому лицу, с одной стороны, в преобразованном виде, с другой – она поступает оформленной в рамках иной внеязыковой ситуации. В свою очередь, информация, порождаемая допрашиваемым, поступает к следователю в преобразованном виде с потерей внеязыковой ситуации. Причем коммуникативные ситуации «переводчик – допрашиваемый» и «допрашиваемый – переводчик» следователем не контролируются.

Если использовать подход, заимствованный из области математического моделирования, и определять допрос как следственное действие, являющееся управляемым нелинейным процессом, используемое лицом, производящим расследование, для получения доказательственной и ориентирующей информации от нелинейного субъекта, то участие переводчика представляет собой помеху нелинейного характера при взаимодействии следователя и допрашиваемого.

Процесс преобразования информации в процессе перевода неизбежно приводит к потере части информации, содержащейся в исходном сообщении. А применительно к уголовно-процессуальной сфере перевод (как средство передачи смысла на одном языке средствами другого языка) всегда приводит к потере части доказательственной информации. В этой связи задача субъекта криминалистической деятельности должна быть направлена на минимизацию подобной потери.

Для минимизации подобных потерь необходимо разработать систему тактических рекомендаций по осуществлению следственных действий в условиях опосредованной коммуникации.

Ссылки:

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001.
2. Колдин В.Я. Криминалистика: теоретическая наука или прикладная методология // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 2000. № 4.
3. Яблоков Н.П. Криминалистика в вопросах и ответах. М., 2000.
4. Криминалистика : учебник для вузов / под ред. проф. Р.С. Белкина. М., 2004.
5. Бреус Е.В. Основы теории и практики перевода с русского языка на английский. М., 2000.

References:

1. Belkin, RS 2001, *Forensics: the problems of today*, Moscow.
2. Koldin, VY 2000, 'Forensics: theoretical science or applied methodology', *Herald of Moscow University, Ser. 11: Law*, no. 4.
3. Yablokov, NP 2000, *Forensics in questions and answers*, Moscow.
4. Belkin, RS (ed.) 2004, *Forensics: a textbook for high schools*, Moscow.
5. Breus, EV 2000, *Fundamentals of the theory and practice of translation from Russian into English*, Moscow.